

УДК 34.023

В.П. Малахов

Условия адекватности постановки вопроса о связи личности и государства

В статье выясняется, при каких условиях методологического, установочного плана проблема связи личности и государства приобретает научный характер, т. е. эта связь высвобождается от давления как идеолого-политического фактора, так и от отвлеченно-негативного ее восприятия.

Ключевые слова: индивид; государство; общество; форма связи; массовое общество; отчуждение.

Помимо непосредственной формулировки любой теоретической проблемы ее неперменной составной частью всегда должно являться выяснение условий, при которых решение проблемы может быть удовлетворительным и адекватным заданным постановкой проблемы рамкам и векторам, и последующий их учет в исследовании. Такие условия существуют и в применении к решению проблемы связи личности и государства. Их определение призвано конкретизировать проблему и служить организации ее исследования.

Первым условием, безусловно, главным в методологическом плане, является формулирование предельно точных ответов на следующие три вопроса: 1) о какой именно связи личности и государства пойдет речь — о генетической (сущностной), исторической, функциональной, идейно-ценностной или иной; 2) можно ли поставить проблему связи личности и государства только в каком-либо аспекте и при этом получить не чисто условную теоретическую конструкцию; 3) можно ли получить целостное и непротиворечивое, внутренне сгармонизированное представление о рассматриваемой связи, если осуществить ее многоаспектный анализ? Понятно, что ответов на эти вопросы может быть несколько, и верным может оказаться вовсе не единственный ответ.

Второе условие — признание, что в контексте заданной проблемы обращение к личности фактически сужает и тем самым искажает проблему связи человека с государством. В правовой теории это сужение, как правило, компенсируется расширением смысла понятия личности, под видом уточнения содержания этого понятия, вследствие чего различие человека и личности фактически оказывается несущественным.

Личность есть свойство, она — то в человеке, что как бы размывает его рамки, делая возможным [9], т. е. уже не реальностью, а абстракцией. Реальностью является лишь человек, личность же — одна из его характеристик.

Отсутствие в человеке личности замыкает его на обстоятельствах жизни и делает существом, производным и полностью зависимым и от общества, и от государства.

Смысл понятия личности, с одной стороны, связан с выделенностью, самостоятельностью, обособленностью, индивидуальностью человека, с другой стороны, он видится в достижении единства, согласия возможностей, устоев и способностей, внутреннего состояния и внешних проявлений. Это единство (если не гармония) определено не повседневным бытом, привычками, нравами, а внутренней духовной работой, напряжением обособиться из окружающих условий, существовать по своим внутренним законам.

В человеке личность проявляется в достоинстве и состоит не в самодовлетворенности и в болезненном восприятии своей прикосновенности, а в способности сопротивляться тому, что претит нравственному и правовому чувству. С личностью нельзя не считаться, с человеком — можно.

Если личность характеризуется (отличается) самостоятельностью, определенной автономностью, тогда следует признать и то, что ее связь с государством негативная. И право государства эту негативность закрепляет (в форме принуждения и ответственности). В правовом отношении связь личности и государства, как следствие, противоречивая [7].

Таким образом, нельзя получить адекватный ответ, если перейти от подлинной реальности (от человека) к теоретическому допущению (личности как реальности); при таком переходе человек превращается в фиктивную ценность. Ставя вопрос о связи личности и государства, мы неизбежно переводим анализ из научной в идеологическую плоскость.

Третье условие — преодоление традиции фактического синкретизма в толковании связи личности и государства, т. е. неразличения форм этой связи. Нет связи личности и государства вообще, она всегда существует в определенной форме: политической, моральной, религиозной, правовой, экономической. Любая форма этой связи функциональная, а не сущностная.

В рамках той или иной формы связи понятие личности приобретает разное значение. В философско-правовом (неустранимо пафосном) смысле личность — концентрированное право. В более узком, собственно правовом смысле это уже не так: личность есть нечто сверх того, что в состоянии постичь и учесть право; она — сверхзадача, сверхреальность права, метафизическая величина. Усматривать корень юридического закона, как предлагал Б.Н. Чичерин [12], в признании человеческой личности — значит, признавать значимость исключительного человека в праве, что неизбежно разрушает устои формального (юридического) права.

Поэтому для юридического права личность на самом деле — негативная величина; она привносит в юридическую сферу то, что этой сфере принципиально уже чуждо: справедливость, достоинство, превосходство, исключительность и т. п.

Человек представляет собой органичное единство общего, особенного и отдельного. В праве он присутствует только абстрактно и в своей особенности.

Личность же заключена в отдельности. Значит, правовой аспект проблемы связи личности и государства не самый главный, а точнее — наименее важный. Существо ее в правовом аспекте — нахождение, реализация и усовершенствование форм зависимости.

Чтобы вместить личность в правовое «ложе», требуется цепочка «заземления» ее как индивидуальности: личность – личина – лицо. В личности выражена содержательная индивидуальность человека, в личине различима уже только внешняя форма, лицо же — форма внутренняя: это функция, роль и т. п. В так называемой правовой реальности личность — личина, отсценарированная правом (нормами, оценками, законами, предписаниями, санкциями), она — та условность, которая, в сущности, сообщает тому или иному решению поставленной проблемы известную произвольность.

Четвертое условие — отказ от постулата о праве как сферы реализации свободы человека. Этот постулат всего современного права по своему происхождению западноевропейский и нововременной (буржуазный). Буржуазное понимание свободы создало и в теории, и на практике непосильную для человека модель его жизнедеятельности и ограничило существование свободы только в качестве одной из базовых ценностных установок, необходимого идейного допущения, при котором рассуждения о праве оказываются возможными.

Человек вне своей личности несовместим со свободой; личность человека и есть его свобода, необусловленность. Но юридическое право не связано со свободой человека, а тем более с его личностью; свобода не регулятив.

Но если все же признать право действительностью свободы, тогда личность и с правом, и с государством (а право принадлежит ему) находится в сложном, противоречивом до антагонистичности, отношении. Действительная свобода личности возможна только в пограничных состояниях выбора остаться в рамках права или выйти за них; свобода есть возможность жить вне права. Для личности свобода кроется в нравственном законе, находящемся, как был убежден И. Кант, в самом человеке.

Утверждение о свободе личности в правовом смысле возможно при двух допущениях. Первое из них — понимание свободы как индивидуальной меры усилия, определенной развитостью, выделенностью, самостоятельностью личности, а не рамками дозволенного и возможного с точки зрения государства. При этом государство способно такую свободу воспринять. Но такое и в том, и в другом случае фактически распространяется только на ограниченный круг людей, и, стало быть, проблема свободы личности все-таки принципиально не правовая; свобода фактически делает человека беззащитным, а его права — условными.

Второе из них — сведение свободы к одной ее форме — правовой. При этом под последней нужно понимать нечто присущее личности в рамках дозволенного, приемлемого для государства и/или общества и служащее основанием для вменения человеку обязанностей и ответственности. В правовом смысле не существует неограниченной свободы, и практика ее ограничения

характерна для права. Понятно, что в таком понимании свобода личности оказывается чистой условностью, имеющей идейное для общества и инструментальное для государства значение.

Пятое условие — учет того, что непосредственная связь между личностью и государством, во-первых, не непрерывная, во-вторых, лишь в отдельных, исключительных случаях может быть понята и объяснена из нее самой, в-третьих, практически всегда формальна, условна, представляет собой лишь видимость. Данная связь всегда является отражением и выражением связи государства и общества [4]; какова она, такова и связь государства с личностью. Значимость, существенность, желательность и т. д. личности (вообще человека) для государства, политика в отношении людей находятся в прямой зависимости от степени самостоятельности общества по отношению к государству. Если общество гражданское, а государство правовое, тогда правовая связь личности и государства, прежде всего правовая, содержательна и существенна для обеих сторон, а главное — она вынужденная для государства. Если общество полностью зависимо от государства, поглощено им, тогда рассуждения о связи личности и государства лежат в области идеологии и верований, это отражение политической моды и символики; эта связь произвольна и не вынужденна для государства.

Шестое условие — признание, что у личности с государством и у государства с личностью разные связи. Если формы связи личности с государством — договор, подчинение, солидарность, зависимость, наконец, неповиновение, бунт, то формы связи государства с личностью — господство, эксплуатация, использование (манипулирование), патронаж и т. п. Эта связь никогда не бывает симметричной, даже в гражданско-правовой сфере.

Для человека государство — лишь механизм в руках власти. Его связь с государством как личности «по определению» вторична, производна от власти. Власть всегда анонимна, но в государстве она персонифицируется, что создает иллюзию сопоставимости личности и государства и потому реальной возможности конструктивной их правовой связи (например, выраженной в принципе взаимной ответственности личности и государства) [3].

Как следствие, *седьмое условие* — признание, что государство порождено и живет не нуждами человека, а нуждами власти, феноменом человеческим и нечеловеческим, а потому правовая связь личности и государства никак не влияет на само государство. Природа и глубинная сущность государства одна и та же всегда и везде.

Базовый механизм рассматриваемой связи, в том числе и в правовом аспекте, — отчуждение. В сущности, в отчуждении человеческого в общественное — корень самой общественной жизни, все формы общественного бытия человека могут пониматься как формы его отчужденного бытия.

Само по себе отчуждение не является негативным, разрушительным процессом, и то, что право отчуждено от человека и противопоставлено ему, лишь определяет место человека в общественной жизни. Но когда человек отчуждается

от права, он из него фактически изымается. Юридическое право (право государства) и выделилось из синкретичного права как имманентной формы общественной жизни посредством «изъятия», устранения человека [6].

Государство решает правовую проблему человека посредством предоставления ему прав в обмен на его отчуждение от права. Юридическая теория пытается вернуть человека в право посредством преувеличивания ценности человека и отделенных от него прав [5].

Конкретность сущности государства обнаруживается лишь в ее содержательном воплощении и обусловленности исторически-конкретной совокупностью явлений и процессов. Поэтому *восьмое условие* — признание, что между личностью и государством нет какой-то универсальной связи.

Так, в западных обществах как личности перед государством предстают граждански консолидированные индивиды, и связь их концентрирована в идее противопоставленности, которая является основой и сотрудничества, и конфронтации. В восточных обществах как в обществах, построенных на традиционной основе, рассматриваемая связь не имеет никакого значения (если, конечно, личность не носитель высшей власти). Для них характерно отсутствие различимости человека, индивида, личности для государства; личность полностью растворена в обществе.

Для России, по нашему мнению, характерно расслоение рассматриваемой связи на формы, аспекты [2]. Так, в нравственно-религиозном аспекте обнаруживается обособленность личности от государства, можно сказать, отчуждение, инициируемое не только государством, но и самой личностью. В политическом аспекте превалирует полная зависимость личности от государства. При этом значимость личности возрастает в прямой связи от безоговорочной приверженности личности государству. В правовом аспекте связь личности и государства исчерпывается юридической формальностью.

Далее, исходя из принципа историко-культурной конкретности следует определиться с тем, что такое современное государство и современное общество и какова их связь.

Современное государство — тотальное государство, а современное общество — массовое общество. Говоря иначе, современное государство — высокоорганизованное, а общество — многочисленное. Как следствие, заорганизованность закономерно распространяется на общество, лишая его каких-либо социально значимых механизмов самоорганизации. Тенденция к усилению обусловленности как общества, так и личности становится господствующей [8]. Индивидуальность человека в массовом обществе все менее различима, индивидуальная жизнь людей на самом деле все менее индивидуализирована.

Право человека есть признанная возможность его самостоятельности и сопротивления принуждению. В массовом обществе человек (а тем более — личность) превратился практически в правовую фикцию, и современное государство культивирует лишь реальную ответственность за все, что на самом деле выходит за пределы самого человека, оставляя вопрос о его праве

доктринальному мышлению, идеологии. «В наши дни мыслить можно лишь в пустом пространстве, где уже нет человека» [10: с. 438].

Девятое условие — необходимость определиться, о какой личности в исследовании идет речь. Личности «вообще» нет, таковая — лишь абстракция, годная только для теоретических и идеологических конструкций и спекуляций. В действительности в качестве личности предстают интеллектуал, политик, пророк, предприниматель, военный, пенсионер, крестьянин и т. д. [1]. Как следствие, искомая связь личности и государства тут же рассыпается на мелкие фрагменты, вовсе не идентичные друг другу и далеко не всегда согласующиеся друг с другом. Уловить реальность связи личности с государством вообще невозможно; нельзя здесь сформулировать нечто универсальное, даже в применении к конкретным социально-историческим условиям. Если же это все-таки происходит, тогда смысл правовой связи между личностью и государством утрачивается. В первую очередь фикцией становится равенство.

Сформулируем выводы.

1. Проблема связи личности и государства — это фактически проблема значимости для государства индивидуальной жизни, с одной стороны, и проблема значимости государства для индивидуальной (личной, обособленной, выделенной) жизни — с другой.

2. Понятие индивида в связке с государством следует признать наиболее адекватным существу проблемы; в обществе все происходит только благодаря индивидам. Адекватной в правовом смысле является постановка вопроса о связи человека как индивида и государства. Человек вообще фигурирует лишь как политическая величина, а проблема личности поворачивается в идеологическую плоскость.

При такой постановке проблемы создаются предпосылки для избавления в ее решении как от идеологической эйфории, так и от чисто негативного, конфронтационного восприятия рассмотренной связи.

Литература

1. Арон Р. Опиум интеллектуалов. М.: АСТ, 2015. 480 с.
2. Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. 804 с.
3. Исаев И.А. Господство. Очерки политической философии. М.: Норма, 2008. 352 с.
4. Козловски П. Общество и государство: неизбежный дуализм. М.: Республика, 1998. 368 с.
5. Лановая Г.М. Права человека в современном мире // История государства и права. 2017. № 3. С. 19–23.
6. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2013. 151 с.
7. Малахов В.П. Общая теория права и государства. Курс лекций. М.: Юнити-Дана; Закон и право, 2018. 271 с.

8. Малахов В.П. Социальное государство: эксперимент или закономерность развития // История государства и права. 2017. № 3. С. 3–9.
9. Мамардашвили М.К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М.: АСТ, 2016. 968 с.
10. Фуко М. Слова и вещи. М.: Прогресс, 1977. 287 с.
11. Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир. Литература и наука. М.: АСТ, 2015. 256 с.
12. Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 344 с.

Literatura

1. Aron R. Opium intelektualov. M.: AST, 2015. 480 с.
2. Axiezer A.S. Rossiya: kritika istoricheskogo opy'ta (sociokul'turnaya dinamika Rossii). T. 1. Ot proshlogo k budushhemu. Novosibirsk: Sibirskij xronograf, 1997. 804 с.
3. Isaev I.A. Gospodstvo. Ocherki politicheskoy filosofii. M.: Norma, 2008. 352 с.
4. Kozlovski P. Obshhestvo i gosudarstvo: neizbezhny'j dualizm. M.: Respublika, 1998. 368 с.
5. Lanovaya G.M. Prava cheloveka v sovremennom mire // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 3. S. 19–23.
6. Malaxov V.P. Mify' sovremennoj obshhepravovoj teorii. M.: Yuniti-Dana; Zakon i pravo, 2013. 151 с.
7. Malaxov V.P. Obshhaya teoriya prava i gosudarstva. Kurs lekcij. M.: Yuniti-Dana; Zakon i pravo, 2018. 271 с.
8. Malaxov V.P. Social'noe gosudarstvo: e'ksperiment ili zakonmernost' razvitiya // Istoriya gosudarstva i prava. 2017. № 3. S. 3–9.
9. Mamardashvili M.K. Polny'j kurs lekcij. Filosofiya Evropy'. Psixologicheskaya topologiya puti. M.: AST, 2016. 968 с.
10. Fuko M. Slova i veshhi. M.: Progress, 1977. 287 с.
11. Haksli O. Vozvrashhenie v divny'j novy'j mir. Literatura i nauka. M.: AST, 2015. 256 с.
12. Chicherin B.N. Filosofiya prava. M.: Knizhny'j dom «Librokom», 2011. 344 с.

V.P. Malakhov

Conditions for Adequacy of the Problem of the Relationship between the Individual and the State

In this article it is found out under what conditions of the methodological and setting plan the problem of the connection between the individual and the state acquires a scientific character, i.e. is liberated from pressure as an ideological and political factor and its abstract negative perception.

Keywords: individual; the state; society; form of communication; mass society; alienation.